Щербатов Михаил "Рассмотрение о пороках и самовластии Петра Великого".

Соплетать хвалы своим государям несть дело охулительное, лишь бы оныя были основаны на истине и искреннее бы усердие, а не лесть и похлебство перо писателя и песнь певца направляли; ибо часто хвала добродетели толико же имеет силы над благорожденными душами, как и самое охуление противных пороков. Два чувствия наиболее действуют в человеке: любовь и ненависть; то чего ради не возбудить первое из сих хвалою тех добродетелей, каковые монарх в сердце своем ощущает? Естественно есть, кто возлюбит единое, тот противное возненавидит; следственно, справедливая похвала утверждает и вкореняет в сердцах живущих государей обретающиеся добродетели, а тем самым истребляет противные пороки.

Правда, что добродетель сама с собою несет свою награду, а потому хвалы иль воздаянии ей кажутся ненужны. Но войдем мы в слабость человеческую: сии властители народов, седящии на престолах, силою, властию, почтением, повиновением, пышностию и славою окруженные, суть те же человеки; равные в них находятся страсти и слабости, как и в других, если и не более, по мере могущества удовольствовать оныя; то снизойдем ко оным, и да будут внушать благие цари хвалы, от истины происходящие, хвалы, коих само сердце их истину ощущает.

Не токмо живые таковым образом должны быть похвалены, но да воздается долг нашей благодарности и умершим за оказанные ими благодеяния; ибо в самом деле, чем мы воздадим тем, кои ничего уже от нас не требуют, как торжественным изъявлением нашея благодарности и проповеданием их добродетелей? Не токмо сие есть нужно, но и полезно, яко есть исполнение и всякой должности; ибо потомство и наследники их, вкушая хвалы их предков, к тем же добродетелям побуждаются и той же славы достойными себя учинить тщатся. Титус, Траян и Марк Аврелий, коих имена в вечную память и в подражание монархам преданы, уповаю, более произвели мудрых и милосердых монархов, нежели все даваемые наставления разными мудрецами. Александр плачет о великих победах отца своего Филиппа; Цесарь, читая житие Александрово, к славе побуждается, и Елисавета Титу подражает.[1]

Таковыя суть действия истинных похвал; воззрим теперь, что льстивые производят. Лесть, вышедшая из ада, скрывая маскою добродетели мерзкое

свое лице, оного есть начальница. Не взирает она в похвалах своих на истину, ни на прямую добродетель, но по страстям и по низости из пороков добродетели составляет: хвалит слабость, называя ее милосердием; жестокость называет нужною строгостию; захватчивость над своими соседьми, опустошающую страны и губящую напрасно людей, — иройством; лицемерство и притворность — мудростию и прочее. Она не стыдится, льстя царей Богу их уподоблять, и должный фимиам единому вышнему Существу — пред ними возжигает. Несть не добродетель, ни признание к сему ее побуждают, но подлость и собственные какие виды. Она пред Калигулой и Домицианом воскурила жертвы на олтарях и подлыми своими хвалами истребила последние остатки добродетели в сердцах их. Вредоносные свои поступки и доныне продолжает: восхваляет царские пороки, преобращая их в добродетели; самих их заставляет думать, яко бы они их имели. Поля Соединенных провинций, поля части Германии, поля Фландрии и части Франции, вы — свидетели, колико таковые несправедливые хвалы привели в надменность дух Людвика XIV-го, и коликой кровию оная бразды ваши оросила! Пол-веку уж протекло, как кровавые сии войны кипели, а еще Франция чувствует вредные плоды тщетною славою прельстившегося своего короля. Если мы рассмотрим слабости человеческие, то не удивимся, како такими несправедливыми хвалами могут цари земные прельщаться. Естественно есть человеку иметь более мысли о себе, нежели чего, может быть, он стоит; сие, кажется, есть знак великого начала нашей души, но начала, поврежденного страстьми; а потому, обольщая самолюбие, легко подадут льстецы причину любящему хвалу владыке мнить, что он есть таков, каковым они его ему самому, внутренне смеяся, для пользы своей представляют. Нерон мнил быть искуснее в стихотворстве Омира, и в том уверения от многих имел. И тако обращаю к вам мой глас, о владыки земные, возведенные на высшую степень могущества человеческого, хранитеся сих пристрастных похвал, яко не токмо заражающих вас в жизни, но и по смерти не престающих бесчестить память вашу!

С другой стороны, не похвально есть делать не токмо несправедливые своим монархам, но и самые справедливые охуления, которые должны быть изглаголаны с такою умеренностию, чтобы елико можно менее чести седящего на престоле повреждали. История единая, направляемая самою истиною, имеет право с равной смелостию похвалять знатные деяния и добродетели царей земных и охулять их пороки, дабы предать в память потомству, чему должно подражать и от чего удаляться; учинить достойное и славное бессмертие благим и наказание злым царям. Но и та, говорю я, не

инако может сие делать, как быв ведома строгою истиною, и где бы никакие страсти приметаться не могли.

Довольно, является, изъявил я мои мысли о хвале и о хулении государей. Но приступая к самому предмету моего труда, не дерзну я слабым моим пером описывать великие дела и достойные похвалы Петра Великого. Величайший к сему надлежит иметь разум, и подвиг бы мой сей был более к уменьшению его славы, нежели ко умножению оной. Гласят его хвалы флот, воинства им заведенные, грады построенные, крепости укрепленные, многие области покоренные, просвещенный народ науками и искусствами, учрежденная торговля, по кратковременности введенные законы; гласят чужестранные народы, удивляющиеся, как в толь краткое время трудами его самого и всеянными семенами им, могла Россия из слабости в силу, из неустройства в устройство, из невежества в просвещение дойти. Звучные победы, которые увенчали лаврами главы его наследников, суть плоды его трудов, и славу его проповедают, всегда имя его, яко основателя, с именами тех соединяя. Гласят его хвалу сердца российского народа; ибо хотя миновался тот род, который имел счастие при толь великом государе жить, но и потомки того, верные слуги отечества, с восхищением воспоминают его великие дела, и к мертвому толико любви и усердия являют, яко бы действительно он жив был, и могли бы воздаяния от него за усердие свое ожидать. Свидетели мне суть Невские брега, град, им во имя его, созданный, какие чувствия тогда судии, воины, граждане и все прочие, стекшиеся на позорище открытия его изваянного образа, ощутили. Не славно ли сему ирою, когда все потомки бывших при нем подданных, по протечении полувека узря его бездушное изваяние, на славу его сооруженное, яко монарху, яко отцу и яко просветителю, ясные оказания своего усердия и благодарности принесли. И можно сказать, что слава есть Петра Великого, яко некоторая великая река, которая, что более удаляется от своего начала, то пространнее становится. Тако уже память моя <не> застигнет, когда, излишно угождая ли, или по каким другим причинам (ибо не можно подумать, чтоб кто преемник Петра Великого его не любил) монарха сего Петром Первым имяновали, но само собою, без указу и без повеления, имя Великого превозмогло; и дети наши в юности своей едва ли и знают, кто был Петр Первый, но имя Петра Великого, купно с благодарностию и с удивлением, в сердцах их напечатленно.

Могу ли я после сего дерзнуть какие хулы на сего монарха изречи? Могу ли данное мне им просвещение, яко некоторый изменник похищенное оружие, противу давшего мне во вред ему обратить? Однако, прости мне великая душа, если, не для охуления твоего, но для защищения твоего имяни,

осмелюся твои пороки изъяснить, дабы показать, коль их добродетели превосходили, а самым тем поразить те неблагодарные сердца, которые, забыв твои благодеяния, забыв твои услуги к отечеству, дерзают многие хулы на тебя изблевывать. Колико ни есть мое почтение к тебе, но не затмит оно во мне справедливости, и я потщуся испросить от Клии то златое перо, коим на наикрепчайших мраморах, под надзиранием истины, она дела монархов изображает. Утверждаюсь паче в дерзком моем предприятии; ибо душа твоя, быв одеяна тленною одеждою, часто жестокие истины от подданных своих вкушала, то коль наипаче, когда сия между бесплотными, изреченные мною истины тебе не противны будут.

Глаголят противники сего великого монарха: он был строг непомерно, любил казни и пролитие крови, и, не разбирая ни роду, ни чинов, уподлял себя биением окружающих его; он сына своего смерти предал; он в любострастие и в роскошь ввергался; он самовластие до крайности распростирал.

Се ваши хулы! Рассмотрим же непристрастным оком все сии пороки, о коих не могу отречись, чтоб много ли, иль мало, их в нем не было, но рассмотрим, сообразя с обстоятельствами времян, как в рассуждении тогдашнего умоначертания Россиян, в рассуждении тогдашних обстоятельств и нравов, так и в рассуждении намерений Петра Великого, и, может статься, мы увидим, что не все сии пороки в нем врожденные и вкорененные были, что ко многим, являющимся ныне нам порочными, поступкам был он побужден обстоятельствами, что некоторые тогда и пороками не считались, что некоторые от тогдашних грубых нравов и от воспитания произошли, а, наконец, есть и такие, коими сей великий государь платил дань человечеству. Пороки тем виднее в нем, что они, быв сопряжены с великими добродетелями и делами, яко на высоте поставленные явнее становятся. Но как в каждом порок есть порок, то и в сем благодетеле России он свойства своего не переменяет, а токмо несколько заглаживается великими его делами.

Россия, не очень давно освободившаяся от раздоров и бунтов, сохраняла еще ту жестокость, которая от междоусобий рождается. Казни смертные, пытки, убийствы были обыкновенны в России. Петр Великий при таковом умоначертании воспитан был, и на силу начал познавать сам себя, се новые бунты в России возгорелись. Самая жизнь юного государя к опасности подвергнута была в первый бунт стрелецкий, и младые его очи, начинающие с рассудком вокруг себя обозревать, зрили лиющеюся кровь своих родственников и верных слуг: Нарышкиных, Матвеева, Языкова и других. Остаток времени его младенчества в таковых же страхах и кровавых

позорищах был препровожден. То сие и самому мягкосердному человеку не вложит ли некоторую суровость, и среди токов крови принужденный жити человек не приучит ли себя без трепету на них взирать? Увы! Се есть судьба рода человеческого, что привычка многое над ним действие имеет. В Америке без жалости жертвовали людей, в Вавилоне и в Дафнисе прелюбодеяние добродетелью почиталось, а в Индии и ныне суровство к себе самому и отвратительное изнурение святостию считается. То не сумнительно есть, что таковыя обстоятельствы вложили в сердце младого государя некоторый дух суровости, который, примешавшись к твердому его желанию установить правосудие, к горячему побуждению докончить им начатое полезное, иногда мог из меры выходить.

Воззрим на умоначертании и на состояние России. Вельможи и весь народ погружен был в суеверие и все другие народы толь погаными считал, что за грех почитать с кем неединоверцем иметь какое сообщение, не токмо чтобы хотеть что полезное для отечества от них перенять. Бояре были горды, суеверны, несообщительны; местничество было хотя уничтожено, но в сердцах их пребывало в своей силе, по коему не привязанные по древнему родству с государями или по знатности роду преимущество имели, но происшедшие случаем не токмо сами над знатнейшими себя начальствовали, но предпочтение сие и потомству своему прелагали, купно с наследием, превышать не токмо другие роды, но и с незнанием дела государственные исполнять. Леность, увальчивость, привязанность к домам крепко вкоренились, а загрубелость и привязанность ко всем старым обычаям, яко естественное положение в них учинилось. Не было порядочных войск, но земские собирались худо вооруженные, еще хуже устроенные, да и те никогда все не собирались. Хотя и были стрельцы, недавно заведенные, но сии, из земских людей набранные и родами ведущиеся, при начале своем имели все пороки турецких янычар, не имев их храбрости. Так как и они были сварливы, беспокойны и неповиновенны начальникам своим, вступи во торги и промыслы, так как и янычары, не имели уже никакого попечения о должности по званию своему; одним словом, неустроенные сии войска не были страшны неприятелям, но опасны были государям.

Не было в России наук, и не токмо побуждения, но паче было отвращение что познать; ибо познание сие надлежало почерпнуть от чужестранных народов, а народ наш их и самих, их языки и все, от них происходящее, нечистым и богопротивным почитал. Искусетвы и рукоделии не в лутчем были состоянии; не было ни фабрик, ни ремесл, а что и было, и то находилось в крайнем несовершенстве.

Не было ни внутренней, ни внешней торговли. Внутренней от того, что не было довольного истребления вещей; ибо каждый от своих произведений жил; и не было ремесл, ибо не знали и не могли хотеть многих вещей, которые Петром Великим введены и нужны учинились. А внешней от того, что никаких обстоятельств чужестранных не знали, и не было портов, окроме города Архангельского, которым, яко господа, равно как и торговлею, англичане владели.

Наконец, доходы государственные толь были малы, что едва ли восходили до миллиона, да и прибавить их, по малому обращению денег и по недостатку торговли, не на кого было.

При таковых обстоятельствах возможно ли было льстить себя, яко некоторые ныне мудрствуют, чтоб Россия хотя не толь скоро, однако бы не весьма поздно и не претерпев ущерба, если бы Петр Великий и не употребил самовластия, могла достигнуть, не токмо до такого состояния, в каком ныне ее зрим, но и в вящее добротою? Кто воззрит на вышеписанное беспристрастное начертание, тот ясно увидит, чтобы надлежало многим векам протечи, нежели бы Россия могла отвергнуть свои предубеждения, получить надлежащее в военных делах устройство, просветиться науками и установить торговлю, да и то при таких обстоятельствах, если бы государи всегда тому способствовали, и соседи бы ее не воспрещали ее возвеличению.

Сказав таким образом общие обстоятельствы, для вящшего испровержения большей части охулений, возлагаемых на Петра Великого, и дабы показать, что самая истина перо мое направляет, забываю на сей час его ко мне благодеяния, которые чрез просвещение, введенное им, я ощущаю, и вступаю к подробному показанию его пороков. Дабы сохранить некоим образом времяисчислительный порядок в оных, начну я с бунта стрелецкого. Когда по утишении оного стрельцы уже были взяты под стражу, когда темницы наполнились сими преступниками, покушающимися на жизнь законного своего государя, тогда, по сугубом прежних их бунтов прощении, младый, строгий, в суровстве и среди излияния крови воспитанный, самодержавный государь, не употребил азияцкого самовластия, чтобы без суда их истребить, но определил верных бояр исследовать их дела; а как все они, кроме малого числа, нашлися виновными, то и смерти без пощады всех и осудил. Они были единые казнены на площади, и не токмо палачи, но и сам государь и бояре многие, государем быв принужденны, им головы рубили. Другие были повешены на городских зубцах, а некоторые на зубцах стен Девичья

монастыря и в самых окошках келий, куда была заключена царевна София, сестра Петра Великого, начальница всех сих возмущений. Множество охулительных жестокостей и многое похвалы достойное я в сем ужасном начертании обретаю. Но дабы не причли мне в мерзкую лесть, что в оправдание скажу, я потщусь, не закрывая все, что ужасное нахожу, изъяснить. Семь тысяч человек вдруг смерти предаются. Сам монарх обагряет недостойным себе деянием священные руки кровию подданных своих и среди палачей зрится; знатнейшие бояре, к тому же принужденные, дрожащими руками то же исполняют, огорчеваются, что толь мерзкую должность принуждены исполнять, а вкушающих смерть мученье усугубляется. Сестра, хотя преступница, но есть сестра, дщерь царя Алексея Михайловича, не токмо строго заключена в Девичьем монастыре, но принуждена, можно сказать, жить среди мертвецов, ежечасно должна мучиться взиранием на них и обонять смрад, от тел их происходящий.

Сие, думаю, изображение не покажется никому лестным. Но воззрим, что в казни сей стрелецкой было похвальное и простительное, и что от чего происходило. Сказал я, что мог и единым своим приказанием повелеть без суда умертвить всех стрельцов. Но и в сем случае был произведен толь справедливый суд, что хотя мало могущие оправдаться были от смертной казни освобождены, и не токмо освобождены, но некоторые начальники их, участвующие в сем бунте, когда начали изъявлять свою верность государю, награждения получили, яко то были два брата Толстых, которые, наконец, загладили свое во младости преступление, и наконец, подпорами отечеству и верными подданными государя своего были. Взирая на состояние стрельцов, на частые их повторяемые бунты, не мог младый государь никогда ожидать, чтобы сии люди могли спокойны остаться и чтобы их беспокойствами власть его не была поколеблема, а паче имея уже намерение учинить во всех частях в государстве, а особливо в военном расположении (что бы их чувствительнейше огорчило), великие перемены, не мог надеяться до сего достигнуть, пока хотя малое число сих беспокойных людей в живых останется, чего ради и решился на толь суровое дело. Признаюсь, что труднее оправдать деянии самого государя, бывшего среди палачей, казнящего своими руками своих подданных, и знатных бояр к тому принуждающего. Но какую мы жестокость не припишем сему монарху, разум у него отнять не можем; а если мы оставим ему сие, то и не можем подумать, чтобы к такому деянию он без политической какой причины приступил. Сокрыты от нас и тогдашним молчанием, и временем сии царские тайны, но потщимся догадками до сего достигнуть. Голицын, Толстые, Хованской были соучастники сим бунтам: то не имел ли еще некоего

подозрения государь и на других бояр, которых сим поступком восхотел учинить собственно их особами участниками сей казни и руки их обмочить в крови сих преступников, дабы остающимся неведомых их соучастников живым на сих бояр сумнение подать. Не хотел ни по выбору к сему жестокому делу употребить, дабы те явно не открыты были, что есть на них сумнение; сего ради без разбору и другим то же велел исполнять; а дабы самою жестокою сею должностию и никого не огорчить, сам бесчестное для себя на себя отчасти дело приял.

Все сие оправдание, я признаюся, что есть весьма слабо в рассуждении оказанной жестокости. Но отнесем при том сие к тем суровым временам, отнесем к худому воспитанию, отнесем ко привычке к крови, и узрим что то, что теперь наижесточайший тиран в Европе постыдится учинить, то тогда в России могло простительно казаться, в России, где и должность палача не была бесчестна, и где наказанный палачом мог опять в чины и в должности выходить.

Не могу я никаким образом оправдать вышепоказанный поступок, учиненный им с сестрою его, царевною Софиею. Нельзя ее оправдать, чтобы она не была преступница противу вышней власти, чтобы она не была злодейка брату своему и государю, чтобы она не была причиною множества пролиянной крови, как во время бунта, так и после бунтов, в наказание за оные. Но она была его сестра, ему однокровная; заключение ее отнимало у нее все способы ухищрения свои к возмущению России употреблять, но надлежало ль жизнь ее тягостнее смерти сделать? Надлежало ль и видением, и обонянием мертвых тел, при засыпании, при возбуждении и во все время ее пребывания, ее тихим, но мучительным образом терзать? Признаемся всем, что жесток был Петр Великий, но возложим отчасти сию жестокость на время, в которое он родился, на обстоятельствы и на образ, коим он воспитан был.

Говоря о оказанной жестокости им с его сестрою, прилично здесь сказать о жестокости его с его сыном. Сына, рожденного от крови своея, строгостями своими принудить к бегству; возвратя, повелеть его судить, истязать его и, ежели то правда, яко последнего подданного казнить. Се есть жестокость, имеющая мало примеров в истории.

Но дабы судить о вещах с тою справедливостию, каковую требует история, каковую должны мы воздавать монархам, и монархам, облагодетельствующим нас, надлежит не по первому воззрению суды свои

располагать, но войти во все обстоятельствы дела. Царевич Алексей Петрович был человек не великого разуму, тайный противник всем изволениям и учреждениям своего родителя и привязанный твердо к старым обычаям. Напротиву того, Петр Великий, ощущая уже пользу своих установлений, видя, что уже успехи увенчивают его труды, не словами, но делом, любитель своего отечества и блаженства своего народа, для коего он толико раз к опасности подвергался, яко в самом своем письме к сему сыну своему изъясняется, зрил в нем найгоршего неприятеля, каковаго он и отечество могут иметь, зрил в нем разрушителя всех его учреждений, подпертого всеми теми, которые еще любили древние обычаи, а таковых множество было. Долго старался он его к мыслям своим обратить, вложить в него чувствия, что подвиги его суть полезны, но, не имея успеху в сем, отрешил его от наследия. Но самое сие и показывало ему, что сей способ несть доволен для утверждения его учреждений и блага отечества; ибо имея и духовный чин, и множество бояр единомышленниками себе, какое бы отречение могло после смерти его воспретить на престол возвести? Какая бы толь твердая темница могла его так удержать, чтоб врата ее не разрушены были? А возведение его не токмо угрожало ввержением России в прежнее ее непросвещение и слабость, но еще и междоусобною войною!.. Решился, яко до крайности простирающий все свои страсти, каковую он имел и к отечеству своему, непреоборимым образом, осуждением его на смерть, а может быть и казнию, сию опасность прекратить. Страшный пример, зримый токмо нами в Юнии Бруте, пример, показующий жестокость обычая, но главности его не суть хулительны.

Сказал уже я выше о обвинении, что Петр Великий, не разбирая ни роду, ни чинов, бивал приближающих к нему. Не может сие в наших обычаях, им же введенных, не странно показаться, и многие из нас, конечно, восхотят скорее смертную казнь претерпеть, нежели жить после палок или плетей, хотя бы сие наказание и священными руками и под очами божия помазанника было учинено. Всякой век имеет свои нравы, а век тот, который застал Петр Великий и с воспитанными в коем людьми жил, был таков, что побои не инако, как по болезни почитали, не считая их себе в бесчестие, хотя бы те и кацкими[2] руками были учинены. Колико находим мы в разрядных книгах, что иного, высекши плетьми, отсылали к тому головою, с кем местничался, или иного за какое неисполнение приводили под виселицу и били чрез кацкие руки по щекам. Имян их я не поминаю, дабы не сделать огорчения потомкам их, но все, которые хотя мало знание имеют в российских древностях, в истине сей согласятся. А однако сии тогда наказании не бесчестили, и они по-прежнему в чины и должности употреблялись. То

удивительно ли есть, что Петр Великий, последуя горячему своему обычаю, и когда <имел дело?> с такового воспитания людьми, сам воспитанию своему уступал? Они сами, претерпевшие такие наказания, свидетели мне суть; ибо мне еще удалось многих из них знать: был ли хотя один, который бы за сии побои пожаловался на Петра Великого или бы устыдился об оных сказать, или бы имел какое озлобление на него; но всех паче видел я исполненных любовию к нему и благодарностию. А сие и доказует, что сей поступок не в порок особе Петра Великого должно приписать, но в порок умоначертанию тогдашнего времени. Не довольно сего; те, которые толь во укоризну Петру Великому сей поступок проглашают, рассмотрели ли, кого он таким образом наказывал? Или тех, коих из праху возвел на великие степени, или младых людей, часто исполненных пороками, да и сим обоим часто сии наказания заменялись, вместо жесточайших наказаний, которые бы они по закону заслуживали. Но вельможи сановитые, яко князь Яков Федорович Долгорукий, часто с грубостию ему противуречащий, Борис Петрович Шереметев, князь Михаило Михайлович и князь Дмитрей Михайлович Голицыны, многажды противящиеся его изволениям, никогда такого наказания не претерпели. И тако лучше удивитеся, охулители Петра Великого, мужа нравом горячего, воспитанного в таком веке, в коем побои, учиненные вельможе за бесчестье не считались, что он с терпением снес от князя Долгорукого разодрание подписанного им протокола; что не наказал за неподписание Шереметевым суда царевича, и сказавшего ему в ответ: «Служить своим государям, а не судить его кровь моя есть должность»; не послушавшего его при взятии Шлюсембурга князя Голицына, учинящего ответ: «Несть в твоей воле, но в воле Божией есть»; исправившего мысли государевы князь Дмитрия Михайловича Голицына, принудившего превосходные доброты сочинением камор-коллежского Регламента уничтожить тот, что сам Петр Великий начертал. Яко человеку, все сие не могло ему прискорбия не нанести, но, яко ирой, уступая свою пользу пользе государства, видя искренность сердец изящных сих своих слуг, не токмо чем их наказал, но паче милостями осыпал.

Крепость телесная и горячая кровь чинила его любострастна. Колико сие ни есть естественное побуждение, колико ни есть монархов, которые оной не стыдятся, но я не могу ее не почесть пороком, от которого желательно бы было, чтобы сей великий муж воздержался, тем наипаче, что ни обычаи, ни пример его страны в сем его оправдать не могут; и может быть, что он свершил расположение свое к сей страсти путешествиями своими в чужие край и примерами, которые он там видел и слышал. Но со всем тем думаю, чтоб любострастие его не имело такой силы над ним, если бы в первой своей

супруге нашел себе сотоварища и достойную особу; но не имея сего, неудивительно есть, что, возненавидя ее, сам в любострастие ввергнулся. Но воззрим и в сем случае на его поступок: узрим ли мы, чтоб сия страсть, которая толь многими овладела, которая Геркулеса заставила прясть у Омфалы, которая Помпея и Антония погубила, когда-нибудь отвлекла его от трудолюбия, должности или правосудия? Он довольствовал свою плоть, но никогда душа его побеждена не была. Карл XII-й толь боялся сей страсти, что даже видеть женский пол страшился; вместо что Петр Великий, среди телесных удовольствий, владычествовал над нею. На сие, может статься, могут мне ответствовать, что он Екатерину, из низкого состояния пленницу, учиня сперва своею любимицею, возвел, наконец, быть своей супругою; и се есть знак, что, по крайней мере, в сем случае страсть его победила. Остановитесь и рассмотрите: во-первых, для сей Екатерины, яко любимицы иль яко супруги, упустил ли что Петр Великий? Сделал ли для нее какое неправосудие? И думаю, что злодеи его мне скажут: «Нет!» Известно каждому, что страсти в нас действуют сильнее тогда, когда хотении наши неудовольствованы; сей причины Петру Великому не настояло, ибо он беспрепятственно ею владел, и Екатерина, кто ее знал, не толь была честолюбива, чтобы и могла хотеть быть его супругою. Что ж его побудило к такому великому ей награждению? Первое, признание за все ею понесенные с ним труды и за благие советы, которые она ему в опасном случае при Пруте подала, что и сам он объявлял. Второе, мне кажется, была и политическая причина. Петр Великий от первого браку имел единого сына — царевича Алексея, которого уже усмотрел быть неудобна к приятию российского престола и к содержанию начатых им дел. От сея же Екатерины имел уже двух дочерей, видел уже себя начинающего ослабевать, не знал, будет ли иметь толь достойную и повиненную супругу, как сия, а от сея зрил уже и потомство, то супружеством своим и признанием законными рожденных детей хотел утвердить престол свой; а самым сим и могущее междоусобие случиться после смерти его упредить. Если таковые были намерении Петра Великого, яко сие есть весьма вероятно, то истинно я в поступке сем ничего охулительного не нахожу. Ибо, когда государи, его предки, на многих незнатных женивались и не зная внутренних их расположений, то чего ради Петру Великому не вступить было в брак не токмо с той, которой добродетели ему были известны, к которой имел причину благодарности, и чрез что мог утвердить безопасность престола своего и спокойство России?

Никто Петра Великого в неумеренной склонности к пьянству не обвиняет; но находят в нем достойно охуления, как оно действительно и есть, что он иногда на пиршествах, снисходя в равенство к подданным своим, сам

излишнее пивал и других паивал. Первое показует невоздержность, а другое охулительное самовластие. Но не одиножды я предложил правило, что есть разные времена и суть разные нравы и обычаи, взирая на которые и должно не только такового великого мужа, но и приватного человека судить. А сии самые нравы и были таковые не токмо в России, но почти и во всех местах, где сей государь для просвещения своего народа путешествовал. Везде во время веселий и пиршеств лишнее пивали, чия сие, яко знак удовольствия. То можно ли, яко непростительное дело, охулить сие в сем государе, когда подражал он в том всей Европы тогдашним обычаям, с тою особенностию, что низлагал с себя и пышность царскую и снисходил к подданным своим, с ними, не яко их монарх, но яко равный, веселился, подавая им способ в сем случае все истины ему говорить и дружески с ним обходиться? И конечно, если всякое упивание есть зло, но чинимое им снисхождение, можно сказать, некоим образом зло исправляет. А сверх того сие не толь его занимало, чтобы хотя малую остановку в делах приключить могло, яко свидетельствуют то превыше, кажется, сил человеческих исполненные им дела. К тому же, может статься, что он в сем поступке и сугубый имел предмет, познавал в пьянстве враждующих между собою вельможей, а чрез самое сие брал свои осторожности, чтобы не быть обмануту наветами единых на других. И не безызвестно ему было, что много еще было таких, которые о старых обычаях сожалели, и многие были ему недоброхоты, то сим способом и мысли их он тщился познавать и остерегаться от поставляемых ему мрежей. И се, может статься, была причина, что не токмо знатнейших бояр некоим родом самовластия упиваться принуждал, но иногда и женщин поил. Жестокое дело, но по обстоятельствам, может быть, тогдашним необходимо ему было.

Наконец, обвинение его в неумеренном самовластии вид истины имеет. Он пременил все порядки, принудил одеваться инако, нежель прежде был обычай, принудил выбрить бороды, наложил налоги, записал дворян в службу, не по срокам, но навсегда; взяв детей, послал учиться разным наукам и мастерствам. Вот сильные знаки самовластия. Но да воззрят охуляющие в сем Петра Великого, те, кои от самовластия сего получили и самое то довольное просвещение, чтобы самовластие сие охулять. Возмог ли Петр Великий достигнуть до намеряемых им поправлений без оказания самовластия? Отменным образцом сшитое платье хотя ничего не знаменует, но оно отнимало различие между россиянами и чужестранными, которые нужны ему были, а коих российской народ ненавидел. Бритие бород также чинило россиян сходственных на другие изученные европейские народы и отнимало у них предубеждение, яко бы все, не имеющие бород, погани были;

а к тому же и истребляло род ереси антропоморфитов, которая по незнанию, вкоренена была. Не мог он ввести порядок, не сделав некоторые знатные перемении во всем правительстве. Не мог он распространить торговли без приобретения портов, а приобретение портов не мог получить без войны, а потому порядочные войска для защищения государства и для приобретения стран необходимо нужны были. А порядочные войска не могли завестися, если останется земская служба, по малым срокам располагаемая, если бы дворяне не вступали с нижних чинов в службу и тем, чрез собственное свое испытание, не приобретали в ней нужное искусство, не имели бы порядочного за заслуги или по старшинству произвождения и не обязаны бы были служить всегда, а не посрочно. Произведение войны и сооружение флота требуют денег; их весьма было мало. Коммерция почти ничего не приносила, и, не взирая на всю умеренность в собственном житье сего государя, он почти всегда в них нужду ощущал: то умножение денежных налогов совершенно нужно было, разумея чрез сие сей великий государь, что, хотя обстоятельства государства требовали сей тягости народа, тогда почти несносной для него, но, предвидя, что размножение торговли, заведение мануфактур и ремесел и умножение обращения денег, наконец, сии налоги не тягостны учинят, что в самом деле и исполнилось. Надлежало ввести просвещение в России: то чем лучше можно было его ввести, как посылкою благородных юношей для научения не токмо наукам, военному искусству, но и самым ремеслам, показуя, что несть ничего подлого, что к пользе отечества может послужить? И простерший сам монарх к скипетру рожденные в работу руки, не мог ли требовать, чтоб подданные его ему подражали? Все сие он учинил самовластным образом, не спрашивая совету ни от кого. Да от кого ему было его и спрашивать? Предложить ли учинить перемены в правлении убежденным людям в его пользе, и пользующимся непорядками оного, да не чувствующим польз, которые могут произойти? Предложить ли ему сообщение с чужестранными народами тем, которые за грех сие считали? Предложить ли наложение податей тем, которые самый малый налог за несносную тягость почитали, а пользы не предвидели? Предложить ли учреждение порядочных войск тем, которые тем лишались многих своих прав, подвергались во многие труды и лишались подданных своих, которых должны были в рекруты отдавать? Предложить ли посылку юношей в чужие край, когда отцы и матери не токмо сему противны были неумеренною привязанностию к детям своим, и по самому суеверию, думая, яко бы осквернятся пребыванием не с единоверными, тому противны были? И тако не с кем было Петру Великому советовать: то имел он право, по великим своим расположениям и по мудрому предвидению, самовластно то повелевать?

Но воззрим на Петра Великого в других делах, где не настояла такая нужда. Учинил ли он в решении дел, которые сам решил, по какому пристрастию, кому несправедливость? Не равно ли последнего подданного с наилюбимыми своими вельможами судил? Не вкушал ли он при решении дел грубые ему учиненные противоречии, и не соглашался ли всегда на истину, не гневался за грубость? Когда учинил ощутительны полезные свои установления, не дал ли Сенату указу не принимать самых его повелений, когда противны государственной пользе оне будут или противуречительны другим законам? Не советовал ли он всегда с своим Сенатом и не побуждал ли ему самую истину говорить? Понеже никто всех сих справедливостей откинуть не может, а потому и ясно есть, что нужда его заставляла быть деспотом; но в сердце он имел расположение, и можно сказать, влиянное познание взаимственных обязательств государя с подданными.

Се слабое мое перо кратко начертало пороки и добродетели сего благодетеля России; направляемо быв истиною, по силе своей изобразило его пороки и проступки с показанием, колико он к оным обстоятельствам умоначертанием, обычаями того времени и воспитанием был побужден. Теперь остается мне в заключение сего оправдать и себя в том, что, может быть, некоторые мне скажут, что я есть защитник деспотичества, иль самовластия, и что по предложенным мною правилам и каждый монарх может сказать, что он такие же имеет благие виды, и подобные же ему обстоятельства настоят употреблять самовластие, и его употребит.
Несть мое намерение побуждать владык света к забвению взаимной связи между престола и граждан и влагать в них мысли, усугубляющие злосчастии рода человеческого. Но сим не охуляю я Петра Великого в его самовластии; ибо может ли кто ныне государь в Европе иметь такие обстоятельства, какие имел сей монарх?

И тако, тот государь, который помыслит употреблять такое самовластие, да размыслит прежде, нашел ли он народ свой без просвещения и загрубелый в своих обычаях и, по несправедливому воображению своему о вере, проявляющийся всякому просвещению? Был ли подвергнут от юности своей к разным беспокойствам, ухищрениям и бунтам, которые все силою разума своего превозмог? Испытал ли все состояния сам собою и обозрел ли без пышности, но с прилежанием, почти все части своего государства? Подверг ли себя ко многим трудам и опасностям для любви к отечеству своему? Снизошел ли в состояние своих подданных, законами являлся им строгий

государь, обхождениями же друг? Вкушал ли без гневу грубые ему учиненные противоречия и всегда ли готов был истину вкушать?

Если кто все сие исполнил, то, имея такие расположения, может без охуления употреблять самовластие. Но кто все сие исполнит?

---

[1] При коронации императрицы Елисаветы Петровны была представлена опера «Милосердие Титове».
[2] Кат по-малороссийски — палач.

КОММЕНТАРИИ
Подготовка текста и комментарии Ю. В. Стенника

Впервые: Библиографические записки. 1859. № 12. С. 353—371.

Печатается по изданию: Сочинения князя М. М. Щербатова / Под ред. И. П. Хрущева и А. Г. Воронова. СПб., 1898. Т. 2. С. 23-50.

Титус, Траян и Марк Аврелий... — Щербатов перечисляет имена римских императоров, чье правление было отмечено гуманностью и заботой о благе народа. Тит Флавий Веспасиан (39—115) — римский император (79—81), прославился отказом выносить смертные приговоры обвиненным в оскорблении величества, оказанием помощи пострадавшим от пожара в Риме и от извержения Везувия, а также устройством пышных празднеств для народа и заслужил прозвание «утехи человеческого рода»; Траян Марк Ульпий (53—117) — римский император (98—117), проявлял заботу о мелких и средних землевладельцах и расширил привилегии Сената. Им был учрежден приют для бедных детей, устраивались зрелища и бесплатная раздача хлеба римскому плебсу; Марк Аврелий (121—180) — римский император (161—180), последователь философии стоицизма, приобрел популярность раздачей средств казны для поддержки беднейших слоев населения Рима. В XVIII веке имя Марка Аврелия служило синонимом просвещенного монарха.

Александр плачет о великих победах отца своего Филиппа... — О ревнивом отношении юного Александра к победам своего отца сообщает Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях» и другие древние историки.
...*Цесарь, читая житие Александрово, к славе побуждается*... — Сведения о данном факте биографии Цезаря сообщаются в сочинении Гая Транквилла Светония (ок. 70 — после 122) «Жизнь двенадцати Цезарей».
...*Елисавета Титу подражает*. — Щербатов имеет в виду указ императрицы Елизаветы Петровны от 7 мая 1744 г., приостанавливавший приведение в исполнение смертных приговоров.
Она пред Калигулой и Домицианом воскурила жертвы на олтарях... — Калигула Гай Цезарь (12—41) — римский император, отличавшийся самодурством и жестокостью и назначивший своего коня консулом; Домициан Тит Флавий (51—96) — римский император (81—96), отличался также непомерным честолюбием и жестокостью. Унижая Сенат, заискивал перед солдатами и римским плебсом, для которого устраивал пышные празднества. Преследования философов и многочисленные казни невинных людей, сопровождавшиеся конфискацией их имущества, наполняют последний период его правления.
Поля Соединенных провинций, поля части Германии, поля Фландрии... — Речь идет о войне, начатой Францией в 1672 г. против антифранцузской коалиции, возглавлявшейся Нидерландами. Поводом для начала войны послужило изготовление в Нидерландах неким Ван Бойнингемом медали с изображением Иисуса Навина, останавливающего Солнце. Французский король Людовик XIV, носивший прозвище «короля-Солнца», усмотрел в этом оскорбление своего королевского достоинства и использовал данный факт как предлог для нападения на Соединенные Штаты Нидерландов и Фландрию. Война завершилась Нимвегенским мирным договором 1679 г. и имела разрушительные последствия для политической стабильности в Европе, поскольку в нее оказались втянуты, кроме названных государств, Англия, Испания, Швеция, Дания и ряд германских княжеств.
Нерон мнил быть искуснее в стихотворстве Омира... — Нерон Клавдий Цезарь (37—68) — римский император (54—68). Среди многих причуд и капризов этого коварного и жестокого правителя не последнее место занимало стремление прославиться в поэтическом искусстве и на театральной сцене. Под страхом наказания окружающие должны были выражать свое восхищение талантом императора.
...*стекшиеся на позорище открытия его изваянного образа*... — Имеется в виду открытие памятника Петру I 7 августа 1782 г.
...*испросить от Клии*... — т. е. у Клио.

...*в первый бунт стрелецкий*... — Имеется в виду бунт стрельцов в мае 1682 г., организованный при подстрекательстве боярина И. М. Милославского, тайно поддерживаемого царевной Софьей.
...*младые его очи... зрили лиющеюся кровь своих родственников и верных слуг: Нарышкиных, Матвеева, Языкова и других*. — Братья матери Петра I, вдовствующей царицы, Иван Кириллович и Афанасий Кириллович Нарышкины, а также боярин Артамон Сергеевич Матвеев, боярин Иван Максимович Языков, князь Михаил Юрьевич Долгорукий вместе с отцом Юрием Алексеевичем и другие были растерзаны толпой взбунтовавшихся стрельцов.
В Америке без жалости жертвовали людей... — Щербатов имеет в виду ритуальные человеческие жертвоприношения, принятые в государствах коренных жителей центральной Америки до завоевания их испанцами.
... *два брата Толстых, которые, наконец, загладили свое во младости преступление*... — Братья Петр Андреевич (1645—1729) и Иван Андреевич Толстые (ум. 1713), оба стольники, были активными участниками антипетровских выступлений в 1689 г., однако раскаялись и верной службой обрели полное доверие Петра I.
Страшный пример, зримый токмо нами в Юнии Бруте... — Брут Луций Юний (VI в. до н. э.), легендарный герой Рима, основатель Римской республики, возглавивший свержение последнего римского царя Тарквиния Гордого. За участие в заговоре против республики Брут обрек на казнь двух своих сыновей.
...*снес от князя Долгорукого разодрание подписанного им протокола*... — Имеется в виду эпизод с князем Я. Ф. Долгоруким, разорвавшим в 1714 г. подписанный Петром I сенатский протокол, предусматривавший использование крестьян Новгородской и Петербургской губерний на строительстве Ладожского канала.
...*не наказал за неподписание Шереметевым суда царевича*... — Генерал-фельдмаршал Б. П. Шереметев (1652—1719) в 1718 г. отказался утвердить смертный приговор царевичу Алексею.
...*не послушавшего его при взятии Шлюсембурга князя Голицына*... — Генерал-фельдмаршал М. М. Голицын (1675—1730) в 1702 г. в чине подполковника командовал взятием Нотебурга (Шлиссельбурга); когда Петр I, сомневаясь в успехе, послал приказ отступить, Голицын продолжил штурм.
...*исправившего мысли государевы князь Дмитрия Михайловича Голицына*... — Д. М. Голицын (1665—1730) был президентом Камер-коллегии с ее основания в 1718 г.

...*которая Геркулеса заставила прясть у Омфалы*... — Щербатов ссылается на эпизод из мифа о Геракле, любовь которого к Иоле привела к невольному убийству друга Ифита, за что он был продан в рабство лидийской царице Омфале. Подвергая знаменитого героя постоянным унижениям, Омфала одела Геракла в женское платье и заставила его прясть шерсть вместе со своими служанками.

...*которая Помпея и Антония погубила*... — Помпей Гней (106—48 до н. э.) — римский полководец. После поражения от Юлия Цезаря в битве при Фарсале был убит в Египте. Антоний Марк (83—30 до н. э.) — римский полководец. В борьбе за власть с Октавианом потерпел поражение в битве при Акциуме и покончил жизнь самоубийством. В судьбе обоих роковую роль сыграла их страсть к египетской царице Клеопатре, косвенно способствовавшая бесславной гибели каждого.

...*признание за все ею понесенные с ним труды и за благие советы, которые она ему в опасном случае при Пруте подала*. — Во время Прутского похода 1711 г. Екатерина I в критический момент протестовала против сдачи, ободряла Петра I и пожертвовала свои бриллианты на взятку визирю.

Мрежи — сети, здесь: препоны.

...*род ереси антропоморфитов*... — Щербатов определяет так идолопоклонство язычников.

...простерший сам монарх к скипетру рожденные в работу руки... — Скрытая цитата из «Надписи 1 к статуе Петра Великого» (1750) М. В. Ломоносова:

Се образ изваян премудрого Героя,
Что ради подданных лишив себя покоя,
Последний принял чин и царствуя служил,
Свои законы сам примером утвердил,
Рожденны к Скипетру простер в работу руки...

...*не дал ли Сенату указу не принимать самых его повелений, когда противны государственной пользе оне будут*... — Имеется в виду письмо Петра I Сенату из турецкого окружения во время неудачного Прутского похода 1711 г. В письме царь приказывал, чтобы до его личного возвращения любые, даже исходящие от его имени, документы не принимались к исполнению.